

Сергей БУРДЫГИН

ОТ ШАГА ДО БОГА

Сергей Иванович Бурдыгин родился в Оренбурге в 1962 году. Окончил Оренбургский государственный педагогический институт. Начал работать журналистом в областной газете «Комсомольское племя», потом 16 лет трудился в редакции «Южного Урала», а затем и во всех остальных газетах Оренбурга. Пишет стихи и прозу. Печатался в журналах «Гостиный Дворъ», «Москва», «Брега Тавриды», альманахе «Башня». Автор сборника прозы «Мышиный рынок», книг стихов «Обитаемый остров» и «Под тяжестью осеннего листа». Лауреат премии «Добрая лира» (Санкт-Петербург), дважды лауреат областной премии имени С.Т. Аксакова. Живёт в Оренбурге.

***

Всё быстрее года
за собой оставляют печаль, —
Как сурова и правильна
всё-таки эта дорога.
И всё легче проблемы забыть,
и труднее начать —
Наших белых листов на планете
осталось немного.
А над этой дорогой
то солнышко, то вороньё, —
И уже привыкаешь к тому,
что вокруг — эти стаи.
Всё труднее любовь отыскать
и поверить в неё,
И в себя, и в неё — лишь
сейчас это
всё понимаешь.

И на кухню идёшь,
там, где чайник призывно
свистит,
Где уютно, спокойно
и кафелем сглажены стены.
А когда-то казалось —
мы в самом начале пути,
И на этом пути обязательно
ждут перемены.

Перемены нам встретились —
  смуты в чести на Руси,
И мы шли в никуда,
  и терялись в пыли
беспризорно.
Сколько было напрасно и пусто
потрачено сил!
А дорога всё та же —
  от шага и до горизонта...

И всё чаще ночами нам
  кажется —
  что-то не так,
Ведь не так нам мечталось
  и точно —
  не то нам хотелось.
Только первый в судьбе
осторожно доверчивый шаг,
К сожаленью, уже никому
  из идущих не сделать.

Но пускай беспросветны бывают
  порой вечера,
И пускай вечеров этих
  в жизни осталось немного,
Нас надежды по-прежнему
будят ещё по утрам
И толкают идти по дороге —
  от шага до Бога.

ОРЕНБУРГСКИЕ ДВОРИКИ

Видно, именно здесь —
  на границе Европы и Азии —
Свой, особый уют,
  и тепло в тесноте без обид.
Оренбургские дворики —
  лет уходящих оазисы, —
Не шумите, мальчишки,
  пусть время немного поспит.

Наше время хранится
  ещё до поры в этих домиках,
В этих низеньких окнах,
  в неспешном спокойствии их.
Там, где выпала старость
  при маленькой жизненной
  должности:

Никому не мешать за фасадом
проспектов больших.
Оренбургские дворики —
  письма живущим из прошлого,
От Мусы-водовоза, сапожника
  дяди Петра...

Жили, как получалось:
по дурости и по-хорошему,
Тосковали под вечер
  и верили в солнце с утра.
А ещё вспоминали порой
  Пугачёва и Дутова,
Кто был прав, кто ошибся —
  не нам их сегодня судить.

Есть конфеты в продмаге,
  мальчишки растут
  не разутые,

И война позади.
  И ещё коммунизм впереди...
А теперь мы живём
  всё стремительней,
  всё безогляднее,

И теперь этим дворикам —
  только стоять в стороне,
Хоть и хочется в праздники
  всё-таки быть понаряднее,

Сарафанчик сирени
  устроив себе по весне.
Оренбургские дворики —
  в городе главное самое
Не в цветной мишуре, а в ночной
  поскромневшей тиши,
Там, где снится душа.

Только душу
реклама не жалует, —

Покупатели есть.

Но с продажей не каждый
спешит.

Правда, время торопит,
и мы в торопливости маемся.

Но по чести сказать — даже
в многоэтажках своих.

Оренбургские дворики,
чаще мы тоже пытаемся

Никому не мешать
за фасадом проспектов
больших...

ПРИМЕТЫ

А начиналось всё как надо:
Ночь растревожил первый снег,
И люди были снегу рады,
И просыпались, как во сне.
Сосед болонку на прогулку
Под утро вывел, семена,
И дверь подъезда, хлопнув
гулко,
Враз потревожила меня.
И, мерным стуком беспокоя,
Вдруг раздались шаги судьбы...

И сразу вспомнилось такое,
О чём хотелось бы забыть:
Обиды, промахи, просчёты
И то, на что не тратил сил —
Мог, не гордясь, простить
кого-то,
Но не поверил, не простил,
Мог шаг умерить,
но споткнулся,
Мог прошептать, но закричал,
Туда, где ждали, не вернулся,
А всех неждущих возвращал,
И вот теперь мне мнится часто —
Придёт расплата или месть...
У предстоящего несчастья
Свои приметы тоже есть.

СТАРИК

У белой постели встречаются
прошлые дни

И тихо сидят в изголовье
прозрачной свечи.

Оранжевый смех апельсинов
в пакете молчит,

И город за серым окном
приглушает огни.

Никто не грустит, не стыдится,
не прячет глаза —

Давно не осталось нигде
потайного угла,

И только судьба, как подросток,
упряма и зла,

Когда говорят, что спешить
ей сегодня нельзя.

Старик понимает, что это —
положенный груз,

И память ему помогает
вернуться к себе:

Мальчишка в лохматое небо
пустил голубей,

И стая рассыпалась радугой
порванных бус.

ПИАНИНО

Корявый бомж стоит у магазина,
И в переулке — грязи по колено.

А тётя Зина купила пианино,
Чтоб сын её играл на нём

Шопена.
Чтоб пожелать ему счастливой
доли,

Она здоровье жгла на трёх
работах.

А сыну Коле в музыкальной
школе —

Ну, как в посудной лавке
бегемоту.

У тёти Зины жизнь была
  не сахар,
Куда ни кинь — то перец,
  то горчица.
Её судьба давно послала на хрен,
Отправив в павильончик
  продавщицей.
Она палёной водкой торговала
На рынке в закуточке павильона
И всем подряд стаканчик
  наливала
С ужасно тощим ломтиком
  лимона.
А все подряд — таким
  не до веселья,
Не до Шопена, не до пианино.
Для них одна мелодия
  с похмелья —
Щербатый павильончик тёти
  Зины.
А ведь когда-то были в жизни
  этой
Мечты и песни о дороге к дому,
На Новый год — подарки
  и конфеты,
Никто не знал, что будет
  по-другому.
И снились ей когда-то в детстве
  гулком
Балы и вальсы, зрители и сцена.
И слышалась всё в том же
  переулке
Тогда ночами музыка Шопена.
Всё не сложилось и наполовину,
Ночами дыры светят в небе
  звёздном
И у стены пылится пианино.
А Колю застрелили где-то
  в Грозном.

ПРЕРВАННЫЙ ПОХОД

Царь персидский любил
Чужеземные сказы и мифы.
Он искал не друзей,
А, скорее, достойных врагов.
От заморских купцов
Он узнал о кочевниках-скифах:
Их богатства несметны,
Их песни в чести у богов.

Настоящего воина
Ратная доля не старит.
Для чего умирать,
Прозябая в домашнем тепле?
И пришло это время —
Собрал свою армию Дарий
И, Босфор переплыв,
Устремился к желанной земле.

Шли они много дней,
Обжигало их жаркое солнце,
Ветер шагу мешал
И ночами студил небосвод.
Им хотелось воды,
Но засыпаны были колодцы —
Гнали скифы врага,
Не встречая сраженьем его.

Персы впали в отчаянье —
Не было хуже похода,
Даже в редких лесах
Оставалась одна тишина.
И воскликнул Гистасп:
«Невозможно сражаться
с природой!
Где же армия скифская?
Где затаилась она?

Мы по следу идём —
Он кончается поступью волка.
Нам слышны голоса —
Птичий клёкот рождается в них.
Выходи же на бой,
Непонятное дикое войско!
Или трусы одни
Отступают в шеренгах твоих?»

Это время пришло —
Вдруг поднялся над персами
ветер,

Потемнел небосвод
И волной закачалась трава.
Расступились мгновенья,
И Дарию голос ответил:
«Вам нужны города?
Мы не будем за них воевать.

Нет у нас городов —
Мы кочуем от края до края.
Нам свобода дороже
Однажды построенных стен.
А богатство своё
Мы уносим с собой, умирая,
В те места, где уже
Заждались наши предки гостей.

Эта кровная связь
Наполняет спасительной силой
Всё земное вокруг,
Укрепляя небесную нить.
Наша память о прошлом
Хранится в отцовских могилах.
Если битвы хотите —
Попробуйте их разорить!»

Улыбнулся визирь:
«Как же всё удивительно просто!
Их алмазы — в могилах!
Язычники — что тут гадать?»

Не раздумывая, Дарий,
Веди нас на эти погосты,
Ну а битва случится —
Разбить их не стоит труда».
Но задумался Дарий —
Немало военных свершений
За плечами осталось.
А что остаётся потом?
В их могилах, конечно,
Полно дорогих украшений.
И слабы их ряды.
Только скиф говорил не о том.

И когда у шатра
На рассвете костры догорали,
Над степными просторами,
Слушая их тишину,
Аравийское небо
Увидел стареющий Дарий.
И кивнул ковылю,
И к Босфору войска повернул.

НА РЫНКЕ

Это просто и обычно:
Я увидел птицу в клетке.
От последнего полёта
Замерзало в ней тепло.
А вокруг стояли люди,
Дождь осенний падал с неба,
И дышало ветром небо,
И к себе её звало.

Дождь осенний падал с неба
Одиноко и бесшумно,
И желтела на асфальте
Грусть осеннего листа...
Отпустите эту птицу!
Отпустите, я прошу вас!
Пусть в глазах её проснётся,
Отражаясь, высота!

И тогда я буду верить
Целый день в любую небыль.
Я и сам мечтал о крыльях,
Да подняться не сумел...
Отпустите эту птицу.
Пусть она вернётся в небо.
Пусть она расскажет небу
Обо всех,
Кто не взлетел.

***

И вот уже
Стою я на меже.
И день мой
Одинок и безрассуден.
Но иногда ко мне
Приходят люди,
Которых здесь, со мною,
Нет уже.
Конечно,
Это всё-таки во сне,
И там свои

Условности, иные.
Но там, во сне,
Любимые, родные,
Как будто снова
Помогают мне.
Мы там живём,
Мы пьём на кухне чай,
Веранду к нашей даче
Снова строим,
И говорим,
И ссоримся порою,
Обидевшись на что-то
Невзначай.
Там свой, особый
Жизненный уклад,
Мы там готовим
Курицу на гриле.
И все мои собаки —
Те, что были, —
Все рядом
В ожидании
Сидят.

*Поздравляем Сергея Ивановича
с большим юбилеем - 60-летием,
желаем крепкого здоровья, новых
стихов и рассказов для наших чита-
телей, делающих их лучше, мудрее,
счастливее.*